

Судя по всему, что он узнал, люди из мира древних боевых искусств обладают чувством превосходства, которое заставляет обычных людей бояться их силы и исключительного статуса. Однако внутренние интриги и конфликты этого мира не стоит выносить на всеобщее обозрение.

Осознавая такую позицию, Тан Линцю испытывал некоторое презрение к этим изолированным и самонадеянным кланам и семьям. В современном мире, где наука развита, а методы слежения и анализа становятся всё более совершенными, миру древних боевых искусств вряд ли удастся полностью скрыться. Возможно, именно поэтому его дедушка упомянул о признаках беспокойства в этом мире.

Кроме того, как бы ни были сильны отдельные мастера, смогут ли они противостоять тысячам солдат и современному вооружению?

Они долго обсуждали дела мира древних боевых искусств, и в конце Тан Линцю похлопал Е Цзы по голове:

— Раз Дин Сюй сказал, что приведет Дин Чана в Аньси, чтобы встретиться с твоим старшим братом, тебе не стоит слишком переживать за своего друга из школы. Что касается твоих подозрений...

В глазах Тан Линцю мелькнула холодность.

— ...когда Дин Сюй приедет, всё станет ясно.

Он не верил, что Дин Сюй приедет, не разобравшись в ситуации. Иначе его извинения были бы просто проявлением высокомерия, а не искреннего раскаяния.

Е Цзы кивнул. В глубине души он не хотел, чтобы из-за него Хань Хань снова попал в беду.

Ему также нужна была правда, чтобы решить, как относиться к Пань Цзинвэнь. Если она действительно была причастна, он больше не мог оставаться безучастным.

Дин Сюй приехал быстро, на следующий день он уже был в уезде Аньси с Дин Чаном. Однако, вопреки ожиданиям, Дин Чан был доставлен в инвалидной коляске, и теперь даже пить воду ему помогали. Несмотря на все его крики и ругательства, один холодный взгляд Дин Сюя заставлял его замолчать, а иногда даже приводил к потере контроля над собой. Это вызывало у Дин Чана стыд и ярость, он мечтал умереть, но не мог найти в себе смелости.

Всего за один день он испытал, что значит жить хуже, чем умереть. Большинство его подчиненных было уволено, оставшиеся подчинялись только Дин Сюю. Предприятия, которые он создал, теперь управлялись другими, и ему оставалось только лежать в постели и ждать смерти.

Тан Линцю тоже вернулся в уезд с Е Цзы.

Когда Дин Сюй и Се Цинжун с улыбкой вышли из кабинета, Тан Линцю и Е Цзы встали. За ними вышел высокий мужчина в черном костюме, толкавший инвалидную коляску. Тан Линцю немного опоздал, но уже слышал о состоянии Дин Чана. Это изменило его мнение о Дин Сюе — этот человек был способен на жестокость, и с ним нужно было быть осторожным.

Се Цинжун тоже был удивлен, когда увидел Дин Чана в инвалидной коляске. Тот, кто позволил Дин Чану дойти до такого состояния, был его брат Дин Сюй, и тот же человек теперь разрушил

его жизнь. За этой историей, вероятно, скрывалась какая-то драма. Выслушав неохотные извинения Дин Чана, Се Цинжун вежливо улыбнулся и сказал, что всё в порядке. С таким человеком спорить было ниже его достоинства.

— Господин Тан, господин Е, снова видимся, — подошел Дин Сюй и вежливо поклонился, как принято в мире древних боевых искусств. — Теперь, когда моя личность раскрыта, скрываться больше нет смысла.

— Господин Дин, какой неожиданный визит, — вежливо ответил Тан Линцю.

— Господин Дин, можете просто звать меня Е Цзы, — сказал Е Цзы.

В прошлой жизни его называли «господин Е», но это всегда звучало как издёвка, поэтому он не любил это обращение.

Дин Сюй улыбнулся:

— Как скажете, тогда я буду звать вас Е-цзы, как и господин Тан.

Тан Линцю слегка поморщился, чувствуя, что Дин Сюй слишком быстро перешел на короткое обращение. Е Цзы же был равнодушен, его и так часто так называли.

— Раз мы все знакомы, давайте пройдем в ресторан «Шэнхуан» и пообедаем, — предложил Се Цинжун как хозяин.

— С удовольствием.

Зная о приезде Дин Сюя, Се Цинжун заранее заказал отдельный зал. Когда все сели, Дин Сюй указал на Дин Чана, которого поставили в конце стола, и сказал Е Цзы:

— Е-цзы, мне очень жаль. Я только вчера узнал, что мой глупый брат послал людей напасть на твоего друга. Теперь любые извинения бесполезны, поэтому я выпью три бокала в знак искупления.

Он без колебаний выпил три бокала. Вчера, разобравшись в ситуации, он понял, что даже Е Цзы, этот загадочный юноша, был втянут в это. Внутри него не осталось и тени сожаления о том, что он уничтожил Дин Чана.

Люди вроде Чжао Цюня, которые тренировались в специальных подразделениях, не вызывали у него особого страха. Их физический потенциал был уже исчерпан, и они могли сравниться только с низкоуровневыми практиками внешних техник. Однако Е Цзы, несмотря на юный возраст, обладал загадочной аурой, которая вызывала у него удивление.

Он встречал воинов прежденебесной ступени, и некоторые черты Е Цзы были очень похожи на них. Это заставляло его сомневаться, но он отвергал эту мысль. Е Цзы, как бы ни был талантлив, не мог достичь такого уровня в таком возрасте. Тем не менее, это говорило о высоком уровне его техник и о том, кто стоит за ним. Его смирение было вызвано не только уважением к семьям Се и Тан, но и самим этим юношей.

Кроме того, состояние Хань Хана в больнице не соответствовало тому, что сообщали подчиненные Дин Чана. Первым, кто оказал ему помощь, был Е Цзы, что только укрепило его убеждения.

После того как Дин Сюй выпил три бокала, он рассказал всю историю. Он выяснил, что Ли Чэндун приказал Дин Чану наказать Хань Хана по наговору женщины, которая, как оказалось, была одноклассницей Е Цзы.

Дин Сюй не стал настаивать на том, чтобы Е Цзы остерегался её, но его выражение лица говорило, что он уже догадался о происходящем.

Дин Чан, в отличие от своего брата, не обладал такой пронизательностью. С момента появления Е Цзы его взгляд неотрывно следил за юношей.

Е Цзы и так был хорош собой, а после практики его обаяние только усилилось. Для Дин Чана он казался более привлекательным, чем все его предыдущие увлечения. Он ненавидел Дин Сюя за его жестокость, которая лишила его возможности наслаждаться этим «сокровищем». Видя, как Дин Сюй приближается к Е Цзы, он подумал, что брат тоже заинтересовался им, и внутренне злился, считая его лицемером.

Заметив взгляд Дин Чана, Дин Сюй холодно хмыкнул и приказал вывезти его. Тан Линцю и Се Цинжун нахмурились, и только Е Цзы оставался в неведении, хотя и чувствовал себя некомфортно под этим взглядом.

Вскоре после ухода Дин Чана зазвонил телефон Се Цинжуна. Он извинился перед Дин Сюем и отошел, чтобы ответить. Тан Линцю мельком увидел, как лицо его старшего брата выразило удивление, и он бросил взгляд на Дин Сюя. Это вызвало у него интерес: может, звонок был связан с Дин Сюем?

— ...Хорошо, я понял. Спасибо.

Се Цинжун вернулся к столу и загадочно посмотрел на Дин Сюя:

— Это был звонок из города. Цзи Вэй получил жалобу от граждан и быстро сформировал следственную группу для изоляции и проверки заместителя мэра Ли. Компания Ли Чэндуна также находится под следствием.

Тан Линцю понимающе поднял бровь. Это была явно работа Дин Сюя. Он действовал быстро: только прибыл в Аньси, а в городе уже начались проверки.

Е Цзы был поражен и с недоумением посмотрел на Тан Линцю. Тот дал ему понять, что объяснит позже, и Е Цзы успокоился.

Дин Сюй поднял бокал:

— Кто сеет зло, тот и пожнет. Видимо, заместитель мэра Ли натворил достаточно, чтобы люди решили лишиться его должности.

<http://bllate.org/book/16666/1528692>